

Андрей Михайлов

**КАК МЫ ЖИЛИ
В СССР**

Летом

Андрей Михайлов

Как мы жили в СССР. Летом

«Издательские решения»

Михайлов А.

Как мы жили в СССР. Летом / А. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537685-5

Все любят отдыхать. Но отдыхать так прочувствованно и полноценно, как отдыхали в Советском Союзе, теперь уже вряд ли у кого-то получится. Почему? На этот вопрос и пытается найти ответ автор в третьей книге своего историко-ностальгического повествования «Как мы жили в СССР».

ISBN 978-5-00-537685-5

© Михайлов А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Свобода нашего детства: непостижимая и недостижимая	7
Здравствуй, лето пионерское!	12
Через лагерь – к самостоятельной жизни!	15
Нетленный голод	20
Благость Родительского дня	23
День Нептуна – карнавал советского разлива	28
Летите, голуби!	33
«Яростный стройотряд...»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Как мы жили в СССР Летом

Андрей Михайлов

*Серёге Возовикову, Паше Винокурову, Ване Водопьянову,
Толику Виницкому, Сергею Вагину. Другим, которых уже нет
рядом...*

Иллюстрации Архив Андрея Михайлова

Фотограф Андрей Михайлов

© Андрей Михайлов, 2022

© Андрей Михайлов, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0053-7685-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Напомню, что в рамках этого проекта я вспоминаю жизнь 60-80-х годов прошлого века. Когда СССР, оправившись от последствий социальных проектов эпохи Ленина-Сталина и восстановившись после Великой Отечественной войны, наконец-то получил четверть столетия для более-менее нормального развития. Как и чем жил тот народ, который окружал меня в те годы, я и пытаюсь очертить.

Моё детство, да и большая часть юности, связаны с Алма-Атой. Если ещё точнее – с Научным городком казахстанских физиков посёлком Алатау, в котором располагались два института Академии Наук Казахской ССР. Институт ядерной физики (с атомным реактором!) и Институт физики высоких энергий (с ЭВМ «БЭСМ-6»). Там и работали в основном наши родители. Ну а мы, их дети, учились в местной школе (СШ №21).

Однако в третьей книге, посвящённой трём летним месяцам, обещаю читателю гораздо больше географического разнообразия. Потому что впереди у нас выстраданные каникулы и кровно заработанные отпуска, которые негоже просидеть дома! Так, по крайней мере, считалось в те достославные времена.

Свобода нашего детства: непостижимая и недостижимая

Начало лета считалось в СССР самым «детским временем». Начинались трёхмесячные школьные каникулы – заведомо золотая пора для всех неугомонных и непоседливых

А в первый день июня отмечался ещё и Международный день защиты детей. В этот день по всей стране устраивались массовые детские акции: соревнования, игры, конкурсы. И всё это было уже полнокровным проявлением «лета пионерского» – неформальным и ненавязчивым, «без галстуков».

Никакого официоза День защиты детей для самих детей не нёс. Как и особого идеологического смысла. Когда дома озадаченное чадо вопрошало ироничного родителя о странном посыле праздника: «От кого и кто это нас должен защищать?» – весёлый папа мог ответить примерно так: «До обеда я буду тебя наказывать, а мама защищать, а вечером – наоборот: мама – наказывать, а я – защищать».

Уже в более зрелом детстве советский ребёнок уяснял, что праздник-то – «международный». И где-то есть на планете такие ужасные страны, в которых родители ни за что не выпустят ребёнка в школу одного, потому что боятся за его жизнь, где существуют такие казусы, как похищение детей, где сверстники не имеют возможности учиться, так как вынуждены с малых лет работать, потому что иначе им грозит голодное существование. А ещё «там», «у них», ровесники лишены таких естественных вещей, как бесплатные кружки и спортивные секции, детские библиотеки (набитые детской литературой) и летние пионерские лагеря. И многие вообще-то ходят разуты-раздеты, потому как детская одежда и обувь стоит дороже взрослой.

Эти «неправильные страны» капиталистического мира, в которых обитали сверстники, обделённые простыми радостями полноценного детства, были для советской детворы чем-то экзотическим и невообразимо далёким...

...Детворе в СССР промывали мозги? Вот и брат так считает. Большой брат за океаном...

Однако любой из тогдашних детишек (ныне подросших лет, эдак, на 50—70) наверняка припомнит, что в стране его детства царила невосполнимо бодрая и несбыточно светлая атмосфера. Если бы не нынешняя политическая затасканность термина, то её можно было бы охарактеризовать как «доверительную».

Страна, которая выносила на первые полосы газет и видные места улиц основополагающий лозунг, согласно которому «Человек человеку – друг, товарищ и брат!» – ставила перед глазами своих граждан (в том числе и самых маленьких) красивейший идеал человеческих отношений. Разумеется, между идеалом и действительностью расстояние было отнюдь не коротким. Существовала масса факторов и казусов, не позволявших долгожданного слияния одного с другим, но... Согласитесь, перспектива маячила завораживающая!

Однако вернёмся к «нашим детям». О духе доверия в тогдашнем обществе красноречиво свидетельствует то, что наши родители, отправляя нас в школу, в секцию, в кружок, вовсе не стремились довести чадушко до стадиона и спортзала, чтобы потом, терпеливо дождавшись окончания, забрать его обратно. То есть – предоставляли ему полную волю. И это – не от небрежения к судьбам отпрысков. От ощущения безопасности!

Это – во-первых. А во-вторых, от элементарной невозможности всегда и везде водить отпрыска за руку. Ведь все они, родители наши, большую часть дня («с девяти до шести») имели гарантированную работу, с которой не отлучались по всякой личной надобности и за которую, кстати сказать, получали ещё и гарантированную зарплату (выдававшуюся каждый месяц «пятого и двадцатого»).

Так что, едва начав ходить, советские ребятишки начинали активно осваивать окружающий мир самостоятельно. Мои сверстники по детству в посёлке Алатау, например, совершенно свободно шатались по улицам, попеременно оказываясь то друг у друга «в гостях», то друг с другом на футбольном поле (на катке) или в кинотеатре на детском сеансе. А могли, улучив момент, улизнуть «за речку» – «в поля». Эта наша самостоятельность росла вместе с нами, и в 10 – 12 лет нас уже запросто отпускали одних и в Алма-Ату, или в Талгар (наш райцентр).

В общем, та страна, при всех издержках от пережитого (а больше нашей страны в прошлом веке мало кто пережил!), в 60-70-е годы жила уже такой жизнью, что наши родители не напрягались особо, когда мы выходили на улицу. Тревожились – да, но бояться – не боялись.

И чему тогда вообще не учили своих чад – опасаться окружающих. От взрослых (в том числе – от милиции) никакой опасности не исходило. Если, конечно, это не были какие-нибудь районные отморозки или буйные пьянчуги. Но отморозки тогда не делали погоду и в основном варились в собственном соку, а пьяницы – детей (чужих, по крайней мере) не трогали.

Лично у меня осталось от той эпохи ощущение необыкновенной свободы. Наша детская жизнь была такой, о какой можно только мечтать. И с высоты прожитого я могу лишь риторически вопрошать нынешних жителей свободных стран, живущих в свободных обществах, – а вы способны отпустить своего 7-8-летнего отпрыска вечером на стадион (каток) одного? А на сезон (25 суток!) отправить в пионерлагерь без сотового телефона и вообще перспектив какой-то связи?

Здравствуй, лето пионерское!

Пионерское лето – материя особая. Никаких аналогов в нынешнем времени у него нет. Да и быть не может.

Детство-то, как таковое, осталось. Но вот то общество, те отношения между людьми и поколениями – это уже предмет истории.

О том, что дети в СССР были куда более самостоятельными и свободными в своём выборе, я уже сказал выше. И если 9 месяцев в году над ними всё же довлела школа – лето было целиком в их распоряжении. Родители работали, а сотовые телефоны не обсуждались даже в научно-фантастической литературе. Так что никаких «коротких поводков» не существовало в принципе и надзирать за каникулирующими школярами теоретически могли лишь пенсионеры бабушки-дедушки. Но... Кто их слушал?

К тому же, в стране существовала очень развитая и изощрённая система летнего отдыха детей, которая поддерживалась на государственном уровне. Все тренеры, наставники и руководители в многочисленных Домах пионеров (существовавших не только в каждом маломальском городе – в любом городском и сельском районе), на Станциях юных туристов, юных техников, юных натуралистов, сидели, так же как и все остальные работники, на ставках и зарплатах, получаемых от государства. Так что потворство самым смелым желаниям и мечтам своих чад (которые в массе своей тогда ещё вовсе не мечтали быть миллионерами и таможенниками) тогдашним родителям почти ничего не стоило.

Детскими грёзами занимались специалисты и профессионалы, которые (практически все) имели за спиной хорошее базовое образование. Но существовала в те годы ещё и огромная армия подвижников-энтузиастов, которые трудились в совершенно других отраслях, но считали своей обязанностью внести свой бескорыстный вклад в формирование подрастающего поколения, безвозмездно передавая ему то, что знали и умели сами.

Один такой характерный герой своего времени и моего прошлого – **Фёдор Трушляков**, работал вместе с моими родителями в Институте ядерной физики и жил вместе с нами в Посёлке. В моём детстве мы вместе с «дядей Федей» ездили на Солёные озёра (они плескались на месте нынешнего Капчагая), откуда и запомнился мне этот лысоватый, солидный и доброжелательным мужик.

Был Трушляков человеком динамичным и оптимистичным. И в меру неугомонным. Впрочем – таких в нашем окружении значилось много. Занимался спортом, ходил по горам, увлекался охотой и страстно любил детей. Мне кажется, что своих у него не было, так что он «отрывался» на чужих.

Надежда Маслова, которая проживала по соседству, вспоминает:

– *Нас, соседских детей, он по-отечески любил, всегда готов был угостить сливами, грушами, что-нибудь починить и помочь и приветить весёлым словом. А мы ему отвечали: «Дядя Федя съел медведя». Он и не обижался совсем, а смеялся вместе с нами. А ещё он хранил фотографии о своей юности (был когда-то моряком). Он всё умел делать своими руками. Сам сделал пристройку к домику – комнату с верандой, построил сарайчик, оснастил его станком столярным и прочим арсеналом необходимых инструментов. Свой мотоцикл с коляской он ловко собирал и разбираал при всякой надобности и без неё.*

В 1971 году Трушляков собрал соседних детишек и решил сводить их в поход. Не просто в поход – на Иссык-Куль – через два хребта, бурную речку Кемин и два перевала (Озёрный и Аксу). Компания собиралась большая, но позже многие отсыялись по разным причинам и вместе с «дядей Федей» на Иссык-Куль отправились... пять девочек-отроковиц!

А сестра Надежды, **Екатерина Маслова**, добавляет:

– *Он был очень сильным, очень добрым, очень надёжным! Наши родители отпустили нас в такой поход, потому что могли доверить дяде Феде наши жизни. Он так нагрузил тогда свой рюкзак продуктами и дровами на Космостанции, куда мы заехали на служебной институтской машине и откуда стартовали, что я его даже не могла оторвать от земли! И ещё он меня переносил на закорках вместо рюкзака через какую-то бурную речку...*

...Поколение наших родителей вообще-то не любило сидеть сложа руки. Вот ещё один очень характерный для эпохи 60-70-х годов сюжет, непосредственно связанный с нашей сегодняшней темой.

Предметом гордости и радости юных жителей нашего Научного городка был собственный пионерский лагерь «Кайнар». Оставленный ещё в советские времена и разрушенный в последующие годы, наш лагерь, однако, до сих пор живее всех живых в памяти тех, кому довелось хоть раз отдохнуть там «в своё время». Ностальгия о том отдыхе так сильна, что ныне на руины лагеря даже организуются своеобразные паломничества – с барабанами, галстуками, песнями, речёвками, пламенными взорами и торжественными линейками (участникам этих построений, правда, уже далеко за пятьдесят).

Я никогда не задумывался об истории явления «Кайнара» народу. Помню только, что отсутствие своего «летнего оздоровительного заведения» для чад порождало некий комплекс неполноценности у моих земляков ранних возрастов. В самых младших классах на летних каникулах и мы были вынуждены в массе своей коротать дни в «школьном лагере», представлявшем собою какую-то пародию на полноценную лагерную жизнь.

Конец 1960-х. Наши отцы на субботнике в «Кайнаре».

Однако при разборах фотоархива фотокружка Областной станции юных техников (она располагалась в нашем Посёлке) отыскались любопытные снимки, рассказавшие о появлении «Кайнара». Оказывается, институт (ИЯФ) не только финансировал строительство, но и поставлял строителей. Во всяком случае, среди причастных к его появлению мелькают знакомые лица как младших, так и старших научных сотрудников. Это было очень в духе того времени и в стиле жизни наших родителей – не ждать милостей от всяких районных ОНО, а взять, да и сделать всё для своих детей своими руками!

Через лагерь – к самостоятельной жизни!

Жизнь пионерлагеря состояла из маленьких докучливых обязанностей и больших человеческих радостей. К первым относились: соблюдение дисциплины, запрещение покидать территорию, поддержание чистоты и порядка, физкультура по утрам, обязательный сон после обеда и утверждённый кем-то когда-то типовой распорядок дня. Вторые состояли из бесконечных игр, межотрядных спортивных состязаний, купания в бассейне, похода с ночёвкой (для старших – младшие ходили на прогулки-экскурсии), ночных шалостей в вагончиках девчонок и малышей (шалостей – невинных, с простынёй на голове и тюбиком зубной пасты в руке), поездок по соседним лагерям (на футбольные баталии, спортивные соревнования, смотры художественности) и, самое главное, четырёхразового ежедневного питания в столовой. Таким образом, радостей было больше, чем горестей.

Но жизнь в советском пионерлагере не являла бесконечную опеку и анимацию за деньги родителей. Там дети не только учились независимо отдыхать, но и приучались к самостоятельной жизни.

Далеко не все советские ребята оказывались на поверку шибко самостоятельными. Бабушки, это вдовое наследие Великой Отечественной, в 50-е – 80-е годы прошлого столетия жили в каждой второй нашей семье. Они-то, сострадательные и всё умеющие, и ладили большую часть домашней работы, давая тем самым своим внукам возможность для того вождельно-полноценного детства, которого были лишены сами и которого не имели их дети, наши родители. Они же, бабушки, присматривали за чадами, в меру сил оберегая не только от лишней забот, но и пытались оградить от любых синяков и шишек.

Конец 1960-х. «Кайнар» в первые годы существования. Счастливая жизнь в палатках.

Так что пионерлагерь, первая строчка независимого бытия в подавляющем числе детских биографий 1960-х – 80-х годов, становился для многих своеобразной точкой отсчёта автоном-

ной жизни – без папы, мамы... и бабушки! Маленький человек не только учился гармонично существовать в неугомонной среде себе подобных, но и обучался самолично обслуживать себя, принимать решения. А ещё – овладевал множеством навыков, которых не удавалось освоить под «гнётом» опеки со стороны семьи и школы.

Разумное самообслуживание являлось одним из важных принципов жизни в пионерских лагерях той эпохи. Так по крайней мере обстояло дело в нашем «Кайнаре».

Архиважное место в лагерной жизни занимал четырёхкратный приём пищи. И хотя основная работа по пропитанию лежала на снабженцах и поварах – дежурство по столовой самих пионеров-лагерников также включало в себя не только формальную проверку чистоты рук входящих. Не случайно от него освобождались только «салажата» из младших отрядов. Для всех других это был неременный элемент насыщенных лагерных буден.

Конец 1960-х. Лагерная столовая. Обед.

Незабвенно в памяти напряжённое состояние ответственной суеты, сопровождавшее те дежурства по столовой. Отчаянная беготня с полными подносами девчонок в белых колпаках. Шумная орава приходящих строем (с речёвкой!) едоков, моментально переполняющих помещение. Нервный перестук ложек по мискам (то и другое – из чистого алюминия!), ритм которого обречённо угасал к концу яства. И заветно-чарующий голос сверху: «А кому добавки?» И чей-то отчаянный и обречённый фальцет снизу: «А у меня компота нет!». И шумный сдвиг стульев и дружный крик сытых детских голосов: «Спа-си-бо!». И повторение всего ещё раз – для следующей смены.

Мы сами резали хлеб, расставляли по столам порции и убирали после еды вылизанные до состояния промышленной девственности чашки-ложки, убирали «залу» и мыли посуду. Но не только.

Конец 1960-х. «Кайнар». Лепка пельменей.

Как свидетельствуют приводимые здесь «кайнаровские» снимки, по крайней мере самые старшие были задействованы в более ответственных операциях, таких, например, как лепка пельменей. Не исключено, что для многих эти пельмени были первыми вылепленными в жизни! Если даже считать, что к обеду в лагере подавалась детская порция из 10 пельмешков (но – крупных!), на ораву в 150 человек их предстояло приготовить полторы тысячи!

Однако никто не роптал. Напротив, новое дело несло с собой очередную волну творческой активности – процесс проистекал весело и бодро. Что вообще-то было характерно для любой коллективной работы отпрысков тех поколений. Пельмени тоже можно лепить весело и бодро!

Конец 1960-х. «Кайнар». Компания по сбору яблок.

Но ещё интереснее проходил сбор яблок. Нет, вовсе не пиратский налёт на ближайший колхозный сад. Идеалом советского пионера был все же гайдаровский *Тимур*. А злостный *Мишка Квакин* (гроза садов и огородов!) был антигероем. Хотя, чего греха таить, каждому из нас доводилось примерять на себе неприглядную квакинскую сущность – яблоки и урюк из сада соседей всегда казались более ароматными и вожаденными, нежели растущие у собственного дома. Но этот «грех» не был системным. А тут, в «Кайнаре», его вообще не отмечалось в силу того, что лагерь являлся пионерским (с тимуровскими идеалами), а самое главное – никаких колхозных садов в непосредственной близости не наблюдалось.

Зато вокруг произрастали целые рощи диких яблоневых деревьев. Тех самых яблонь Сиверса, от которых и произошло всё яблочное многообразие на Земле. В сравнении с яблоками, на которых мы были воспитаны (наши поколения ещё захватили настоящий алма-атинский апорт, да и не только), горной дичке было очень далеко до идеала. Оскомина от неё разъедала языки и зубы и превращала желудки в бурлящие жерла вулканов. Но сваренный из диких яблок компот и приготовленные на кухне «ватрушки с повидлом» чудесным образом трансформировали сборы в разряд самых изысканных лагерных лакомств! Это был полноценный и вожделенный полдник.

Нетленный голод

...То, почему самая обычная еда в пионерлагере часто становилась радостью, так просто не объяснить. Поколение 70-80-х, несмотря на обычный дефицит каких-то продуктов и привычных очередей за другими, никогда не голодало. Домашние холодильники всегда хранили достойный запас необходимых продуктов, из которых наши мамы (прирождённые кулинарные мастерицы) готовили всякие ежедневные вкусности (каких после многим уже и не приходилось встречать в своей самостоятельной жизни).

Но не все из нас ценили материнские изыски, среди нас встречались и такие, которые «выбирали», и те, «кто «выкобенивал», у кого «не было аппетита», и вообще «ел плохо» (особенно отличались субтильные девочки-отличницы). Это – дома. А стоило только отъехать...

Конец 1960-х. «Кайнар». Строем на завтрак.

Лагерь волшебным образом преображал всех! «Открывайте шире двери – мы голодные, как звери!» Этот слоган, несмотря на то что официальной отрядной речёвкой он никогда не бывал, звучал повсеместно и вполне может считаться одной из самых прочувствованных и популярных лагерных прибауток.

Конец 1960-х. «Кайнар». Обед из 3-х блюд.

Я выше сказал, что мы не голодали. Но это не значит, что здоровое чувство голода, всегда сопутствующее задорной младости, не было нам знакомо! Было, ещё как! Особенно тут, вдали от дома, где жизнь представляла собой неуёмную беготню на свежем воздухе и хаотичное движение на фоне природы.

И хотя еды должно было хватать, лагерный аппетит неизменно превосходил количество поступающих в организм килокалорий (считая с добавкой!). Так что к завтраку, обеду и ужину (и полднику, конечно!) мы неизменно приходили в состоянии радостного предвкушения. Предвкушения вкушения.

Конец 1960-х. «Кайнар». Кухня.

«Спасибо нашим поварам за то, что вкусно варят нам!» – ещё один крылатый лозунг из лагерного бытия. Обычно его выписывали на самом видном месте в столовой. Так как в нашей кайнаровской столовой работали командированные «от предприятия» мамы тех, кто отдыхал в лагере вместе с нами, то легко предположить, что к нашему питанию наши повара подходили куда как неформально!

Но даже если бы не так, не могу представить себе какого-то ропота на однообразие меню или качество блюд. Во-первых, воспитание у нас было не такое. А во-вторых...

До сих пор помню неповторимый аромат и вкус простого серого хлеба! Его к нам в лагерь привозили из колхозной пекарни Каракемира. «Утаённые» куски мы густо посыпали крупной солью и уносили с собой, «про запас», под майками и в карманах. Впрочем, «запаса» хватало минут на десять! Если простой хлеб в условиях лагеря становился лакомством, то...

Любопытно, что, несмотря на приличное нормированное питание и недетский аппетит, случая, чтобы кто-то набрал за сезон лишний вес, я не припомню...

Благость Родительского дня

Но было в той старой пионерской жизни нечто, что практически невозможно для нынешних тинэйджеров: полная оторванность отдыхающих в лагерях детей от дома и родителей.

Всяческая связь с домом прерывалась тут же, едва автобус, набитый детьми-лагерниками, отчаливал от места сбора. При этом среди пассажиров мелькали не только бывалые «ветераны» предкомсомольского возраста, за плечами которых числилось по 5—6 сезонов, но и совершеннейшая малышня, закончившая первые-вторые классы.

Сегодня это трудно постичь, но в «Кайнаре» не было даже телефона. Единственной связующей нитью с остальным миром оставался прикомандированный к лагерю старенький автобус. А из «гаджетов» у детворы пятидесятилетней давности замечались лишь самодельные рогатки. Да и те стремительно отошли в прошлое на глазах ещё моего поколения.

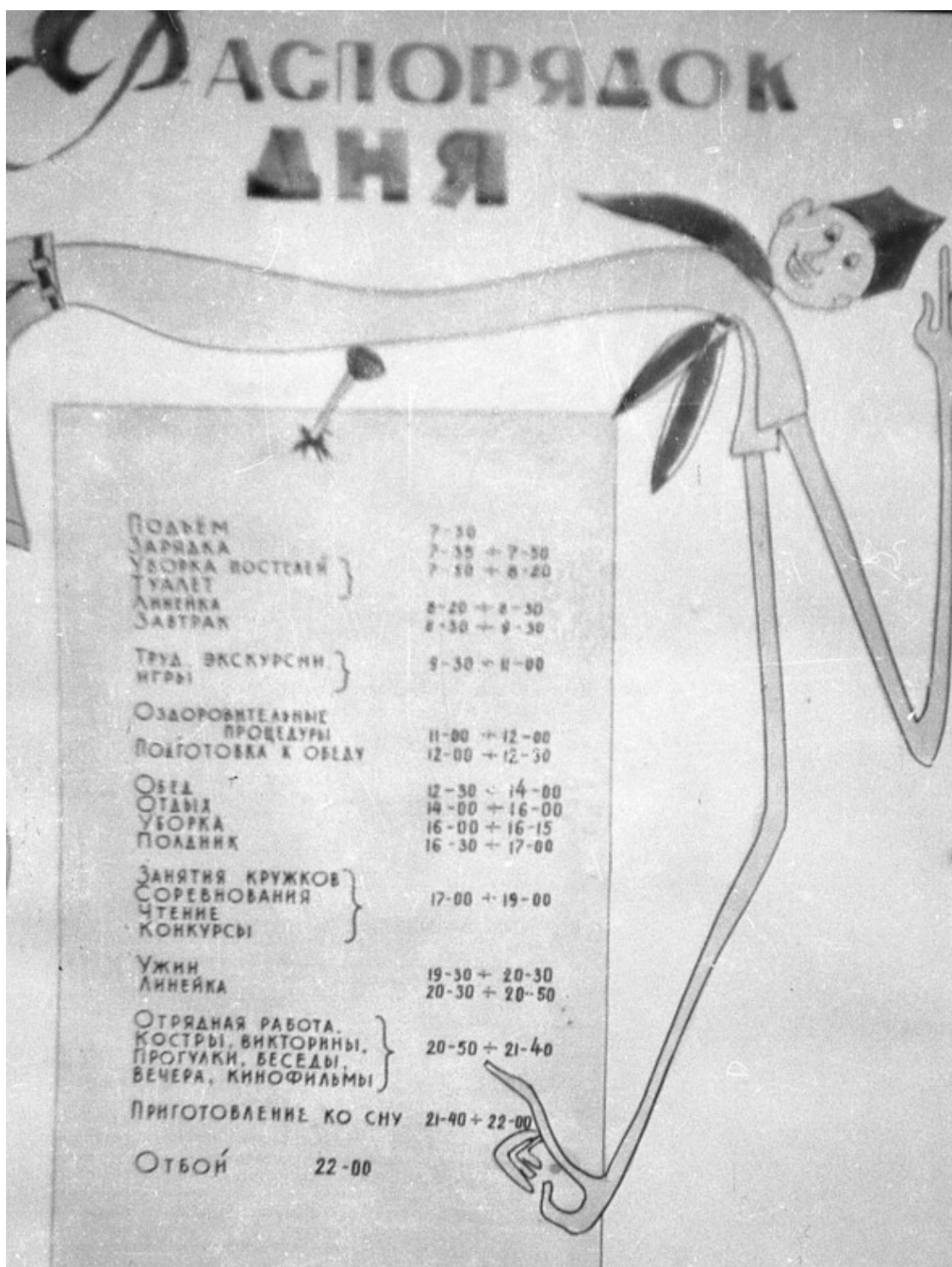
И у наших родителей не было никакой возможности по первой тревоге срываться с места и лететь проведать чадушко. В двух-трёх семьях моих одноклассников были автомобили. Но даже их владельцы редко возникали у ворот лагеря на зависть детям других родителей. Потому как это не соответствовало тем негласным правилам игры, которые регламентировали это действие под грифом «лето пионерское». Да это особо и не приветствовалось лагерными регламентами. Связь между детьми и родителями прерывалась как по техническим, так и по педагогическим причинам.

Конец 1960-х. Топография «Кайнара» На переднем плане – столовая. Ниже и правее располагался бассейн, но он в кадр не уместился. Выше, на склоне, жилой корпус для малышей (за ним стояли палатки, а позже – вагончики). Правее – главная площадь (плац, стадион, площадка для игр и т. п.).

Детей и отправляли в лагеря во многом для того, чтобы создать атмосферу искусственной разлуки. Для пушшего упрочения семейных отношений и укрепления той любви между «детьми» и «отцами», которая ощущалась после таких продолжительных (а для многих – един-

ственных) пауз особо остро и явно. Многие родители во время нашего пребывания в лагере и сами, пользуясь возможностью, отправлялись в отпуска: на курорты, в дома отдыха, на турбазы, к дальним родственникам.

Единственным днём, нарушавшим «монастырский» режим лагеря, – был Родительский день.

В лагере этот день разительно выбивался из череды всех прочих, как бы возвращая нас на короткое время в домашнюю обстановку. При этом отправляться домой никто не думал (впереди было ещё полсезона, да из лагеря и вообще-то отпускали только по о-очень уважи-

тельным причинам) – «обстановка» эта сама наезжала к нам: с полными сумками, рвущимися из рук авоськами, озабоченными лицами и какими-то своими, родительскими ожиданиями. Для доставки всего этого к нам в «Кайнар», снаряжались специальные «служебные автобусы» от Института ядерной физики.

Конец 1960-х. «Кайнар». Родительский день.

«Родительский день» одинаково ожидали все участники действия. Чего греха таить, те и другие скучали друг без друга и остро ощущали взаимное отсутствие. Особенно это касалось самых мелких солагерников – «салажат». Однако и «взрослые», почти уже комсомольцы, хотя и бравовали своей выстраданной самостоятельностью, в душе ждали встречи со своими прашурами не менее пушистых мальцов.

К Родительскому дню лагерь готовился загодя. Но особенно томительным ожидание становилось заветным утром, когда всё уже было готово к приезду гостей, домики и палатки прибраны, территория подметена и даже побрызгана водой, лица умыты, галстуки поглажены и повязаны, песни и роли разучены.

Ну когда же они приедут?

Конец 1960-х. «Наш» директор – Алексей Михайлович Мелешкин. О нём я подробнее писал в первом томе.

Весть о приближении автобусов с родителями распространялась по лагерю моментально. И это несмотря на то, что с того яруса, где располагалась жилая и игровая зоны, дороги видно не было.

После бурной встречи начиналась «торжественная часть». Вначале – пионерский официоз. Линейка, горн-барабан, вынос знамени, звонкие рапорты, награждения отличившихся. Дальше – концерт для родителей («родители» – это не обязательно папы-мамы, но и бабушки-дедушки, дяди-тёти, братья-сестры).

А потом лагерный плац в одно мгновение пустел. Родные сгребали своих чад и разбредались по лагерю и его окрестностям: стелить одеяла, «накрывать поляну», кормить, рассматривать, спрашивать. Это и была истинная кульминация всего Родительского дня.

Но день на том не кончался. Спустя час-полтора отяжелевшие и осоловевшие пионеры вместе со своими удовлетворёнными и умилёнными пращурами вновь сползались на плац. Начиналось время спорта, игр и неуёмной беготни младших при участии старших. Дети проводили весёлые эстафеты, демонстрировали специально выпущенные стенгазеты, играли с отцами в футбол-волейбол-баскетбол.

Конец 1960-х. "Кайнар". Баскетбол был любим в нашей Школе. И в Лагере, разумеется!

Праздник заканчивался отъездом умиротворённых родителей домой. Заканчивался для родителей. Для детей он продолжался весёлыми пирушками в палатках и вагончиках. И продолжался до тех пор, пока не было сгрызено последнее печенье, привезённое из далёкого дома и случайно завалявшееся в кармане

День Нептуна – карнавал советского разлива

...Осязаемой точкой летних каникул для вернувшихся в классы школяров было традиционное сочинение – «Как я провёл лето?». Горький вздох с воспоминанием самых радостных моментов минувших каникул. Писали, обычно, совсем про другое, но в головах многих лукаво крутилась карикатура на морского бога Нептуна. Почему?

Конец 1960-х. «Кайнар». Стенгазета. Главные вехи лагерной жизни.

В насыщенной пионерско-лагерной жизни советской детворы мелькало несколько моментов, которые с нетерпением ожидались с начала смены. А без них жизнь эта потерпела бы полное фиаско в глазах солагерников. По крайней мере так было в нашем «Кайнаре». Потому-то ни один заезд не обошёлся без праздника Нептуна, турпохода (с ночёвкой), Родительского дня и пионерского костра.

Праздник Нептуна, придуманный ещё во времена парусного флота и Великих Географических Открытий для инициации впервые пересекавших экватор, невероятным образом переключался в список обязательных мероприятий всякого нормального пионерского лагеря в СССР «эпохи развитого социализма». Здесь он также знаменовал собой пересечение своеобразного экватора в каждом очередном заезде. И считался знаком полноценного приобщения всякого благополучно пережившего сие славное торжество к вечной памяти о счастливом и радостном детстве.

Конец 1960-х. «Кайнар». Праздник Нептуна.

Праздник начинался задолго до дня непосредственного действия. Каждый отряд готовился к нему особенно. Фантазия при этом порой переходила все грани и подготовка приносила радостей почти столько же, сколько само действие!

Предпраздничное возбуждение захлёстывало юное воображение целиком и полностью. Перво-наперво – писался сценарий. Причём для сохранения интриги каждый отряд, придерживаясь лишь генерального замысла, готовился к действию в тайне от других, исходя из буйства своих фантазий и собственных возможностей. Когда же была готова и отрепетирована каждая роль, наступала долгожданная пора надевать костюмы и накладывать грим.

Конец 1960-х. «Кайнар». Праздник Нептуна.

У праздника Нептуна были все составляющие классического карнавала – своеобразная смена полярности, когда «первые» вдруг становились «последними», изощрённые костюмы, вымазанные сажей лица, шутовство разгула нечистой силы (в персонаже которой как-то необыкновенно раскованно и непринуждённо обращались все советские пионеры). Все, даже самые добропорядочные отличники учёбы, непременно желали в этот день стать «чертями», «русалками», «пиратами» и прочей живописной «нечистью» из свиты Нептуна. Так что при распределении ролей возникали неизменные споры и напряжение в поисках кандидатов для положительных персонажей.

Сценой действия и ареной праздника, разумеется, был лагерный бассейн. Или – в более счастливых вариантах – огороженный берег ближайшего водоёма (речки, пруда, озера). Ну, а для самых отличных отличников и выдающихся пионеров-ленинцев (в том числе и из стран народной демократии) – пляж всесоюзной международной детской здравницы на южном берегу Крыма.

Конец 1960-х. «Кайнар». Праздник Нептуна.

Вода (вместе с солнцем, воздухом, движением и калорийным питанием) вообще-то составляла оздоровительную суть летнего детского отдыха в СССР. У нас, в «Кайнаре», моря, озера и даже речки не было. Был не очень чистый ручеёк, текущий по самому дну ущелья. Он-то и наполнял расположенную за столовой бетонную чашу лагерного бассейна мутной глинистой водой.

Но кульминацией праздника было вовсе не явление народу Нептуна на плоту. Нептун хотя персонаж и уважаемый, но вовсе не Дед Мороз! Подарков от него ждать не приходилось. Однако так же, как и тот («с бородой из ваты»), этот («с бородой из травы») обладал правом распорядителя праздника, соединя драматургию и приближая всех и вся к апофеозу торжества.

Апогеем же было поголовное и неотвратимое купание в мутных водах бассейна лагерных авторитетов – начиная от самой безобидной пионервожатой и заканчивая самим директором *Алексеем Михайловичем Мелешкиным* (которому никогда не удавалось отсидеться под личиной грозного владыки морей на своём плоту). Уйти (уползти, убежать) не получалось

даже закалённым в спортивных баталиях «физкультурникам». Когда энергия многих направлена в одну сторону, даже дети малые (а пионеры – тем паче) – уже страшная сила!

Конец 1960-х. «Кайнар». Бассейн.

Эта карнавальная вседозволенность, превращавшая рядовых карнавальщиков во все- сильных монархов, доводила всех участников действия до абсолютно счастливого исступления. И наполняла окрестные горы таким порсячьим визгом, что окружающие рощицы замолкали и пустели, словно обработанные дустом! Бедные субъекты оглушённой природы осторожно возвращались в свои норы и гнезда только на следующий день...

...СССР считался «закрытой страной». Отгороженной от всего светлого и жизнеспособного непроницаемым «железным занавесом». Универсальной моделью социализма, по мнению «той стороны», являлся лагерь. По «их» версии, «мы» и жили в большом лагере, под пятой тоталитаризма, угнетённые и несчастные, лишённые свободы и прозябающие в невежестве.

Конец 1960-х. «Кайнар». Фото на фоне лагеря. И эпохи.

Вот и наши пионерлагеря были для «них» лишь очередным проектом, вышедшим из недр ГУЛАГа, символом тоталитарной детской несвободы в СССР. Почему «были»? Остались! Они ведь там не очень торопятся переоценивать ценности (если только негры какие-нибудь обиженные не притиснут их в темноте к стенке). Это своё «понимание», что уж совсем абсурдно, «они» продолжают активно навязывать сегодняшним внучатым отпрыскам советских «пионеров-лагерников».

Ну, что вам сказать, ребята? Чтоб вам жить так содержательно, беззаботно и жизнерадостно, как пожили мы, воспитанники того «лагеря» и тех «лагерей»!

Летите, голуби!

К теме летнего отдыха я вернусь ниже. В СССР отдыхать любили и умели. Так что тема неисчерпаема! Но были в стране и те, кто в даже самые погожие и благодатные дни лета думал совсем о другом.

*Летите, голуби, летите —
Для вас нигде преграды нет.
Несите, голуби, несите
Народам мира наш привет.*

26 июня 1975 года. Наши девочки: Марьянка Шеффер, Ольга Шаблицкая, Вика Генкина, Света Слетникова, Света Ильина, Лена Жукова, Гуля Темиралиева, Аманка Досбаева.

В Советском Союзе без строк этой песни солнечные июньские дни не обходились никогда.

Потому что звучала та незабвенная песня при каждом школьном выпуске в 1950-80-е годы по всей стране. Это был своеобразный гимн выпускников эпохи. Во многих школах под эти проникновенные строки вчерашние десятиклассники действительно выпускали в небо голубей.

26 июня 1975 года. Выпускные торжества в ДК. Наш 10 «в».

Впрочем, гимн был не единственный – редко какие вехи ещё (разве что – День Победы и праздник 7 ноября) были отмечены таким массовым и прочувствованным музыкальным сопровождением. Любое выпускное торжество начиналось написанным теми же *Дунаевским-Матусовским* «Школьным вальсом».

Помните?

*Давно, друзья весёлые,
Простились мы со школою,
Но каждый год мы в свой приходим класс.
В саду берёзки с клёнами
Встречают нас поклонами,
И школьный вальс опять звучит для нас.*

Говорят, что главные песенники Советского Союза написали «Вальс» в 1951 году по запросу каких-то десятиклассниц (тогда в стране частично существовало раздельное обучение), которые хотели отметить окончание школы чем-то неординарным. С тех пор песня звучала каждое лето, знаменуя собой важную веху жизни 17-летних граждан страны.

...26 июня 1975 года, «Школьный вальс» прозвучал и для нас, выпускников того далёкого лета.

26 июня 1975 года. Аттестат зрелости получает автор этой книги.

Впрочем, в те годы существовала у нас и ещё одна «знаковая» песня (другой звёздной пары – *Кабалевский-Долматовский*), без исполнения которой праздник, опять же, считался бы неполноценным:

*Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею.
Как они быстро летят!
Их не воротить назад.
Разве они пролетят без следа?
Нет, не забудет никто никогда
Школьные годы...*

26 июня 1975 года. Выпускные торжества в Посёлке.

А вскоре, буквально на следующий год после нашего окончания, у выпускников появилась ещё одна символическая песня-расставание. Ещё один «Школьный вальс» из популярного фильма «Розыгрыш» стал непременно звучать для всех новых поколений выпускников:

*Когда уйдём со школьного двора
Под звуки нестареющего вальса,
Учитель нас проводит до угла,
И вновь – назад...*

...Но вернусь в «мой» 1975-й.

Наша средняя школа №21, относящаяся тогда к Талгарскому району, была одной из 467 школ Алма-Атинской области и одной из 9898 школ Казахстана («средние школы» составляли тогда более половины образовательных). Не знаю, какую цифру составляло общее количество выпускников того года, но у нас получали аттестаты зрелости три выпускных класса – примерно 70 человек.

26 июня 1975 года. Параллельный "а".

...В тот тёплый летний вечер 26 июня 1975 года мы (выпускные классы, наши родители, учителя и многочисленные сочувствующие) собирались к поселковому Дому культуры по совершенно особенному поводу – для прощания с прошлым и встречей с будущим. Для нас, виновников, это был своеобразный пролог той самой, вожаденной, приукрашенной воображением и захватывающей возможностями «взрослой жизни», к которой мы и готовились 10 школьных лет.

Вчерашние одноклассники с каким-то особым чувством невосполнимости всматривались в лица тех, с кем провели все эти годы. Что-то неуловимое уже отделило нас друг от друга. Навсегда. И сблизило. Навечно.

26 июня 1975 года. Мои одноклассники. Ныне они разбросаны по всей земле. А кого-то уже и нет с нами.

Выпускные торжества всегда считались значимым событием для всего нашего Посёлка. Тогда ещё – компактного и единого научного городка, где все знали всех и сразу замечали посторонних. Каждый Выпускной вечер считался своеобразным праздником для всех жителей.

Но в первую очередь это всё же был наш выход. От того парни были в приличных моменту костюмах, а девочки... Что за прелесть были в тот день наши милые, наивные и романтические девочки!

Главным официальным событием выпускных торжеств было вручение аттестата о среднем образовании, обладание которым несло возможность продолжения учёбы в вузе. И золотых медалей – тем, кто их заслужил (у нас таких было пятеро), им это давало ещё и какие-то преимущества для поступления.

Надо сказать, что мои одноклассники никаких других альтернатив, кроме получения высшего образования, и не рассматривали. Так что буквально на следующий день после этого вечера мы начали разъезжаться «по просторам Родины великой» – учиться дальше.

26 июня 1975 года. Учителя. Анна Ивановна Лапкина и две "первые" – Лидия Семёновна Стрелкова и Людмила Семёновна Ткачук.

Аттестаты вручались каждому на сцене, торжественно, под звуки «туша». Громогласно вызванный по имени-фамилии поднимался на сцену, где сидели за столом наши учителя. Заветную бумагу из рук в руки, впрочем, передавал директор. По иронии – совершенно посторонний человек, откуда-то появившийся в нашей школьной жизни в наш последний учебный год и бесследно канувший в историю вслед за нами. Но торжества момента всё это не умаляло.

Рукопожатие, смущённая улыбка и...

А потом мы ещё раз подымались на сцену все вместе. Благодарили школу, учителей, родителей. Шутили – мы ведь были из того поколения, которое не нуждалось в закадровом смехе, чтобы вовремя отреагировать на шутку.

...Ну а после официальной части началась неофициальная. Собственно выпускной вечер. Он проходил в том же поселковском ДК, в помещении Дома учёных.

26 июня 1975 года. Лучший ученик нашего выпуска Эдик Боос (ныне профессор МГУ и член-корреспондент РАН) дарит цветы нашему незабвенному Михаилу Мироновичу Ветрову, последнему классному руководителю.

И вот тут у меня (и у многих, с кем я по этому поводу общался) настаёт какой-то мемуарный провал. Ничем конкретным наш выпускной вечер нам не запомнился. Мы шутили, танцевали, пили, ели, общались, смеялись. Но всё это сохранилось в памяти весьма смутно. И вовсе не из-за официально разрешённого шампанского. А отчего? Старожилы не помнят?

Думаю, что этот туманный коллективный пробел не в последнюю очередь связан с тем пограничным состоянием, в котором все мы пребывали в ту ночь. Огромный груз нервоотрётки выпускных экзаменов остался позади. Напомню непосвящённым, что в те годы наша передовая педагогическая мысль ещё не дотумкалась до того, что выпускные экзамены можно вообще не сдавать, а заменить какими-нибудь лотерейным ЕГЭ или ЕНТ. Так что предшествовавший месяц был достойным финалом всего нашего десятилетнего обучения в средней школе: нам пришлось сдавать 7—8 серьёзных экзаменов.

26 июня 1975 года. Цветы для Иды Алексеевны Кислицкой – выпускающей параллельного класса "б".

А впереди маячил ещё более ответственный период экзаменов вступительных. И расслабиться полностью, хотя всем и хотелось, но вряд кому-то до конца удалось.

Единственный момент, который запомнился всем, – это встреча рассвета. Последний момент, в котором мы, все одноклассники, были вместе. И с нами был наш несравненный **Михаил Миронович Ветров**, классный руководитель – суховатый, но самозабвенно влюблённый в школу и свой предмет учитель физики, «педагог старой формации».

Лето 1975-го. Прощальное фото с любимой учительницей – Татьяной Андреевной Черняевой. Стоят: Лена Павлова, Света Ильина, Т. А., Лена Жукова, Маша Басина, Тома Биттибаева. Сидят: Ира Баркалова, Катя Косяк, Саня Околович, Оля Шаблицкая, Вика Генкина. Лежат: Серёга Возовиков и я. Через несколько дней все мы разъедемся по разным городам Союза – начинать новую жизнь.

Встречать рассвет мы отправились за околицу посёлка. И летнее солнце оправдало возложенную на него ответственность. Выплыло из-за горизонта во всей своей чарующей красе.

Наверное, феерическое зрелище можно было наблюдать в это утро из космоса, с какого-нибудь спутника-шпиона. По линии терминатора, в первых лучах утреннего солнца, на нашей 1/6 части планеты распускались тут и там в рассветном тумане живые чёрно-белые цветочки, составленные из счастливых и растерянных молодых людей – девочек в белых платьях и парней в тёмных костюмах.

Но вся эта неформальная часть осталась «за кадром». Последние снимки нашего выпускного вечера были сделаны тогда, когда все мы, уже аттестованные и обременённые средним образованием, вышли из зала на крыльцо Дома культуры. Уже не школьники. Но ещё не...

Через несколько дней мы разъехались по огромной стране – кто куда. И хотя никогда не забывали друг о друге, но никогда больше и не собирались вместе.

...То, насколько беспощадно Время, лучше всего ощущается на собственном примере. Увы...

Вот уже почти и полвека утекло с того момента, как началась для меня и моих однокашников долгожданная «взрослая жизнь». Спокойная, сильная, свободная и... бесконечная! Так каждому из нас тогда мнилось. И кажется, что было это так недавно: чуть-чуть отмотать всё вспять – и вот оно, как перед глазами, то напряжённо-счастливейшее лето 1975-го.

Но в том-то и состоит невыразимая печаль бытия: ничего никуда в жизни не отматывается. Как кто прожил, с тем тот и останется...

«Яростный стройотряд...»

А тем временем, «лето пионерское» сменялось в жизни на «лето студенческое». Которое не обходилось без массового нашествия на страну задорных «зелёных человечков». Молодые люди в форме «бойцов ССО» мелькали по Советскому Союзу повсеместно. И не только мелькали – многим из того, что выстроили в те годы стройотрядовцы, например, в Казахстане, успешно пользуются до сих пор.

...Ныне нет-нет да и заговорят в СМИ о «возрождении ССО». Зазвучат абстрактные тезисы о некоем «подъёме» и бодрые рапорты о «новой жизни» в движении студенческих строительных отрядов. При этом «телевизионная картинка», как правило, сводится к показу молодых людей в красивых форменных куртках, которые как-то неумело, явно стараясь не замарать рук и своей новенькой формы, сажают деревья или собирают мусор (разбросанный молодыми людьми без курток). А потом азартно селфятся на фоне своих трудовых свершений.

1984 год. Алма-Ата. Всесоюзный слёт ССО.

Те, кто помнит настоящие ССО советских времён, глядят на современных бойцов со снисходительной улыбкой. И на то есть основания. И не перевелись ещё те богатыри, которым есть что вспомнить из собственной молодости.

Напомню, что именно Казахстан сыграл определяющую роль в движении студенческих стройотрядов. Недаром действие культовой киноленты 1976 года «Моя любовь на третьем курсе» разворачивалась в целинной республике и была отснята на «Казахфильме». В основу сюжета была положена пьеса известного драматурга *Михаила Шатрова* «Лошадь Пржевальского», но подлинную славу фильму принесли песни *Пахматовой-Добронравова*. Они сразу же не только стали хитами на эстраде, но и заняли своё место в репертуарах всех студенческих посиделок на просторах СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.